

А.А. ТЕСЛЯ

О дружбе, или О нации (Бернард Як о национализме и моральной психологии)

Автор анализирует амбициозную программу пересмотра понятий нации, народа и национализма, предпринятую Б. Яком. Показаны преимущества и противоречия предложенной Яком интерпретации современного и до-модерного содержания понятий нации. Интерпретируя характер “нации” и специфику национальной принадлежности, Як обращается к понятию дружбы, в последние годы переживающему ренессанс в рамках политической философии. В частности, в логике Яка концепт “гражданская нация” не выступает альтернативой “национализму” и угрозам, от него исходящим.

Ключевые слова: Б. Як, нация, народ, национализм, гражданская нация, дружба.

Вышедшая в 2012 г. первым американским изданием (в издательстве Чикагского университета) и спустя пять лет выпущенная в русском переводе [Як 2017] книга Б. Яка, профессора Брандейского университета, — одна из наиболее значительных за последние десятилетия попыток переосмыслить понятия “нация”, “народ” и “национализм” и предложить целостную концептуальную схему работы с ними, начатых Э. Геллнером, Б. Андерсоном и Э. Хобсбаумом.

Амбициозность задачи, поставленной Яком, тем выше, что она предполагает пересмотр или существенную переакцентировку многих ключевых понятий политической и социальной философии. Но при этом, надобно отметить, он далек от “страсти к новизне” ради самой “новизны”. Большая часть вводимых теоретических новаций определяется как возвращение к наследию политической мысли прошлого, введение в современность тех ресурсов используемых ныне концепций, которые оказались при предшествующих рецепциях отброшены или отставлены на второй план — отнюдь не по причине небрежения (в данном случае автор вполне “историчен”), а из-за иных задач, стоящих перед предшествующими поколениями теоретиков. Они обращали внимание в концепциях прошлого на аспекты, значимые в их ситуации, которая теперь изменилась, в том числе благодаря успешным усилиям предшественников. И ныне для нас актуально иное. Таким образом, переосмысление, возврат к фундаментальным понятиям есть следствие потребности найти теоретические ресурсы, позволяющие работать с новой ситуацией, проводить разграничения одного и видеть родственное в ином, что ранее не нужно было разграничивать или в чем не было нужды видеть сродственное.

Как я уже отметил, работа Яка в высшей степени амбициозна — и в то же время скромна, а именно, приступая к анализу “нации” (гл. 2)¹, Як подвергает пересмотру

¹ Здесь и далее ссылки на страницы и главы книги [Як 2017] приводятся в круглых скобках.

традиционную дихотомию *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (“общности” и “общества” по ставшему уже привычным русскому переводу) терминов Ф. Тённиса. Согласно наиболее расхожей интерпретации, первое ассоциируется с “традиционным” или “до-модерным” социальным устройством, тогда как второе – современный феномен. В отличие от общности, общество рационально, анонимно, предполагает индивидуальное членство и покоится на соглашении. Чем ближе мы к “обществу” по своему социальному устройству, тем в большей степени принадлежим к модерну. Разумеется, речь идет об “идеальных типах”, если использовать понятие младшего коллеги Ф. Тённиса – М. Вебера. “Общность” и “общество” обозначают крайние точки континуума, первое толкуется здесь как “до-модерное” явление способа существования по инерции. В той мере, в какой современность – феномен “модерна”, она не производит подобные социальные связи.

Отсюда вытекает, что если мы вслед за многими представителями социальной мысли толкуем “нацию” и “национализм” как явления, типологически принадлежащие к “общности” (не в смысле давности, а в плане апелляции к последней: когда “нация” мыслится как “общность”, “естественное единство”, членство в котором нам не дано выбирать; это – “естественная связь” между нами), то они интерпретируются как “архаика в модерне”. Их исток – не в самом модерне, а в том, что сталкивается с ним. Соответственно, “общность” начинает действовать, проявлять себя иначе, чем в предшествующем контексте. Так, ситуация модерна (достаточно упомянуть хотя бы о новых средствах коммуникации, начиная с железных дорог вплоть до газет, радио и телевидения) позволяет, опираясь на опыт/воспоминание об опыте “общности”, транслировать его на группы людей, с которыми мы непосредственно не знакомы и с которыми не можем быть знакомы, на миллионы “немцев” или “тайцев”. Но природа этого феномена, тем не менее, коренится в до-модерном. Модерн дает ему ресурсы, отсутствовавшие в предшествующей ситуации; тем самым возникают качественно новые феномены – “нация”, “национализм”. Модерн в данном случае не только инструментален по отношению к ним, но и своим существом им противостоит.

“Нация” выстраивает общность как по вертикали, так и по горизонтали: в качестве принадлежащих к нации все ее члены (и только они) равны между собой, независимо от того, к какому сословию они ранее принадлежали и членами какого церковного братства являются. Она уравнивает между собой своих членов и расширяет их связи, при этом оставаясь закрытой для других. Критерии включения в нацию не рациональны, тогда как внутри себя она формирует рациональный порядок. То есть сама логика модерна оказывается и способствующей порождению из прежних “общностей” новых социальных реалий (“наций”) там, где для этого есть соответствующие условия, и она же требует их преодоления: “национальное” оказывается покоящимся на архаичных основаниях. А поскольку последние разрушаются модерном, то вместе с ними разрушается и возведенное на них здание: как ранний модерн производит “нации”, так поздний модерн оказывается их разрушителем – это части одной истории, перехода от до-модерных “общностей” к современным “обществам”.

В триаде (1) естественного, (2) произвольного и (3) случайного модерн интерпретируется как утверждение первого и второго со стремлением исключить, а там, где исключение невозможно, минимизировать или компенсировать третье. “Естественное” в данном случае – это необходимое, неотменимое, присущее нам по самой природе, как, например, смертность, которую нам остается только принять. “Произвольное” – то, что зависит от нашей воли, результат принятого нами решения, тогда как “случайное” – то, что с нами происходит независимо от нашего желания, по нашему согласию или без оно, но что могло бы быть так или совсем иначе. Например, как неоднократно напоминает Як, границы Франции могли бы осуществиться совершенно иными, не будь нескольких брачных союзов французских королей, не будь выиграна или проиграна та или иная битва. Нет никакой необходимости, чтобы Руссильон подчинялся декретам из Парижа, а не следовал указаниям Мадрида, как то было еще в первой половине XVII столетия. Природа нашей национальной принадлежности случайна,

мы не выбирали, где и у каких родителей родиться, какой язык будет языком нашей матери и какую историю нам будут рассказывать в качестве “нашей”, где будут места нашей славы и нашего позора.

Нация по природе своей принадлежит к числу случайного, а следовательно, в рамках преобладающего понимания модерна, она находится в сущностном противоречии с принципом модерна: смириться с необходимым, неизбежным до тех пор, пока оно остается таковым. А в отношении не-необходимого утверждать человеческую волю, решение, связывающее тех, кто его принимают, и не способное, в идеале, связывать тех, кто его не принимали, и никто не может быть обязан помимо своей воли. Мы готовы согласиться с тем, что этот идеал во всей полноте недостижим, но это — фактическое ограничение, чем ближе мы к нему, тем лучше обстоят наши дела, тогда как нация утверждает прямо противоположный принцип: она связывает нас случайным и стремится навязать нам не принятие этого положения вещей как “фактического”, а утвердить в качестве желанного. Нация претендует, чтобы мы не просто принимали факт, что какой-то из всего многообразия человеческих языков стал нам родным, а чтобы мы еще и гордились этим, испытывали, например, эмоциональную привязанность ко множеству говорящих на том же языке или считающих ту же историю “своей”, то есть ко множеству “других”, с которыми мы разделяем это общее исключительно в силу случайного стечения обстоятельств, более того, кого не знаем и, в большинстве своем, никогда не узнаем.

Анализ социального значения и интерпретации “случайного”, во-первых, позволяет увидеть логику отождествления “общности” — “нации” — “случайного”, отношения двух последних членов этой цепочки к сфере до-модерного. Во-вторых, оспорить эту связь, то есть оспорить утверждение наций и национализма как архаического, а равно (что, на мой взгляд, гораздо сомнительнее и о чем далее будет сказано подробнее) и в качестве специфически модерного.

Як настаивает, что подойти к пониманию природы нации и связанных с нею феноменов продуктивнее через гораздо более общие понятия “случайного” и “сообщества”: социальное случайное связано с “общностью” (*Gemeinschaft*), но не тождественно последней. Наше существование протекает во всех трех регистрах, естественного (необходимого), случайного и произвольного, и если роль и формы второго изменчивы, то оно само по себе никак особым образом не связано с до-модерным и не противостоит модерному. Следовательно, если природа нации коренится в случайном, а не в “общности”, форме социального существования в до-модерном обществе, то нацию не получится трактовать как “архаическое в модерне”, оно имеет свое основание не в прошлом, а в настоящем, то есть не только воспроизводится, но и производится здесь и сейчас.

В своем исходном понимании нации Як непосредственно воспроизводит известную формулировку Э. Ренана, настаивая, что привычное определение нации как “ежедневного плебисцита” акцентирует лишь один из моментов. Тогда как существо позиции Ренана, верной по сей день, состоит в одновременном утверждении двух равнозначных моментов (выделить лишь один из них — значит, исказить смысл высказывания Ренана и, что гораздо важнее исторической точности, упустить из вида природу нации). Нацию, согласно Ренану, образуют *две вещи*: “Одна лежит в прошлом, другая — в настоящем. Одна — это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая — общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся нераздельным наследством. Нация, как и индивидуумы, — это результат продолжительных усилий, жертв и самоотречения” [Ренан 1902, с. 100].

Противостоящие подходы акцентируют разные составляющие этой двuedиной формулы: если националисты в большинстве случаев стараются подчеркивать “древность” нации, ее “уже наличность”, что она не предмет выбора и существует в истории независимо от нашего желания или нежелания признавать ее, то их оппоненты обращают внимание на выбор, делаемый нами, на “ежедневный плебисцит”, отождествляя последний с голосованием и предполагая в рамках подобной развертки образа, что проголосовать можно как “за”, так и “против”.

Прежде всего позволю себе прояснить неправомерность последнего отождествления. Плебисцит, о котором в 1880 г. (со всей очевидностью обращаясь к судьбе Эльзаса и Лотарингии после Франко-прусской войны 1870–1871 гг.) говорит Ренан, — процедура подтверждения, а не выбора. Проведение плебисцита отличается от модели “конкурентных выборов”: “империя плебисцитов” Наполеона III, как и гораздо более поздняя “плебисцитарная республика” Ш. де Голля, — тому подтверждение: нацию нельзя представить себе предметом постоянного выбора. Достаточно остановиться на этом примере, чтобы увидеть всю бессмысленность подобного представления, но нация — предмет более или менее интенсивной поддержки, разных форм лояльности и т.п.² Однако, чтобы плебисцит был возможен, необходимо существование его предмета — нация выступает двуединством настоящего и прошлого, то есть мы в настоящем объединены тем, что обладаем общим наследием и подтверждаем эту связь: “Это ощущение межпоколенческой связи и дает нации то, что удачно описано Стивеном Гросби как “глубина во времени”; *это ощущение совместной принадлежности одному моменту на простирающейся из прошлого в будущее прямой, вероятно, является наиболее отличительной чертой национального сообщества* (курсив мой. — А.Т.). В нациях мы помещаем себя в одну совместную последовательность предшественников и преемников, наше утверждение которых, апеллируя к памяти о прошлых поколениях и к ответственности за поколения будущие, углубляет наши чувства взаимного попечения и лояльности. Другими словами, наше совместное наследие, наша совместная связь с прямой времени, далеко превосходящей продолжительность нашей собственной жизни, придают нашим чувствам взаимной социальной дружбы особую остроту. Это словно бы *мы вообразили, что не просто проживаем отрезок отпущенных нам лет, но сообщаем следуем одним путем во времени, движемся по некоей конкретной магистрали на некоторой воображаемой карте времени* (курсив мой. — А.Т.)” (стр. 134).

Наша принадлежность к конкретному сообществу случайна, она определяет нас ни необходимым, ни вполне произвольным образом: ведь даже если мы решим покинуть это сообщество, перестанем считать себя членами данной нации, то она будет влиять на нас по крайней мере негативно — как то наследство, от которого мы отказались, то прошлое, которое мы более не желаем считать своим или, по крайней мере, которое мы не желаем разделять с другими.

Наследие, принимаемое нами в качестве разделяемого с другими членами сообщества, не означает, как подчеркивает Як, единства отношения. Национальное сообщество тем, например, отличается от сообщества, разделяющего общие политические принципы и ценности, что не предполагает единства в трактовке этого прошлого и понимания того, к чему и в какой степени оно обязывает нас в настоящем. То есть перед нами не “организация”, не наличие общих прав и корреспондирующих им обязанностей, а социальная общность иного типа — члены нации согласны в том, что их принадлежность к нации предполагает особую важность ее интересов (по сравнению с интересами иных наций), обуславливает предпочтения в действиях, но это согласие носит весьма общий характер.

Интерпретируя характер “нации” и специфику национальной принадлежности, Як обращается к понятию дружбы, в последние годы переживающему ренессанс в рамках политической философии. Вслед за Аристотелем он напоминает: “Дружбу друг для друга “делают что могут”, а не только лишь то, что полагается делать” (стр. 215). Если вслед за К. Шмиттом политическое понимается через противоположность “друг/враг”, то реальность взаимодействия предполагает массу иных категорий, располагающихся между этими полюсами, делающими нацию зримой.

²Об изменении значения выборов см. [Розанваллон 2015, с. 33–41]. Ср. с проводящим эту логику менее явным образом замечанием Яка: “На национальных плебисцитах, реальных или метафорических, нас не просят выбрать тех, с кем нам хотелось бы объединиться, — нас просят подтвердить связи, уже принятые нами от других” (стр. 147).

Принадлежность к нации побуждает вслед за Платоном делать добро друзьям и наносить вред врагам, поскольку не совершение того или иного равно будет несправедливостью, но помимо врагов, то есть за пределами экстремальной ситуации, есть “другие”, “чужие”, “соседи”, более или менее дальние и т.д. Национальное сообщество побуждает нас рассматривать друг друга в его рамках как друзей, то есть совершать в отношении друг друга не только то, что мы обязаны сделать, но нечто большее, испытывать друг к другу социальную симпатию.

Аналогия, к которой прибегает Як, чтобы прояснить свое понимание, это другой вариант случайного сообщества, классический для политической философии (правда, как пример не-политического) – семья. Ведь дети не выбирают родителей, мы не выбираем своих родных и легко помыслить другой состав данного сообщества. В нем далеко не все определяется нашей волей, и оно отнюдь не естественно, мы знаем, хотя бы из социальной антропологии, о существовании массы вариантов устройства семьи (в том, как устроена та, к которой мы принадлежим, нет необходимости, но в этом устройении есть обусловленность прошлым). Принадлежность к семье предполагает, что мы испытываем друг к другу большее, чем определено нашими правами. Более того, принадлежность к семье признается правом и обеспечивает исключения из общего статуса. Так, хотя каждый гражданин обязан свидетельствовать на суде, но мы избавлены от этой обязанности применительно к родным; нас не вынуждают становиться перед невыносимым моральным выбором, но если узы дружбы, связывающие нас, оказались разорваны ранее, то наше свидетельство будет принято.

Логика дружбы, отмечает Як, гораздо лучше, чем язык прав и обязанностей, поясняет характер наших связей с нацией³: друг не может быть уверен, что мы поставим интересы дружбы выше всех прочих. Более того, его требование такого рода, будь оно предъявлено, вполне может быть отвергнуто (например, в интересах справедливости или по религиозным соображениям). Но он справедливо рассчитывает, что к нему и его интересам друзья будут относиться иначе, с большим вниманием, чем к интересам, скажем, незнакомого человека. И если в такой ситуации друг сделает не то, “что может”, а только то, что обязан, то тот, кто считал его своим другом, будет вправе сделать вывод, что ошибался: “Националисты – это люди, которые пойдут на очень многое, даже на значительное самопожертвование, чтобы сделать, что они могут, для членов своих национальных сообществ, а не тот, гораздо более ограниченный, круг людей, которые готовы ради своей нации пожертвовать всем” (стр. 215).

То, что нация всегда строится на наследовании, не означает, что это наследование не имеет выбора. Продолжим сравнение с семьей. Простраивая родословную, мы осуществляем выбор, но выбор, далекий от произвола, хотя и вполне случайный, например в зависимости от того, патри- или матрилинейная у нас система родства, родоначальником признается или боярин Кошка или Романов в силу того, что именно его потомки состояли в родстве с царем и т.п.: “...у нас всегда под рукой материал для создания новых наций... их всегда много. Непрерывная деятельность нацестроительства, с ее не слишком-то шадящими программами культурной консолидации и интеграции, нацелена на ликвидацию или по крайней мере уменьшение той угрозы, какую для национальных уз представляет это иное культурное наследование” (стр. 144).

Если обычной альтернативой “национализму” и угрозам, от него исходящим, выступают (1) “конституционный национализм” Ю. Хабермаса как наиболее проработанный и обсуждаемый в последнюю четверть века теоретический вариант, и (2) “гражданская нация” в иных трактовках, то Як весьма убедительно демонстрирует их несостоятельность. Применительно к программе “конституционного национализма”

³ “Чтобы акцентировать гетерогенность, составляющую существенную часть жизни сообщества, я, характеризуя сообщество, говорю об общности (sharing), а не об идентичности... сообщества слагаются индивидами, в центре внимания которых находится нечто, что не столько стирает их различия, сколько наводит между этими различиями мосты” (стр. 90).

Як отмечает, что “национальное” присутствует в ней во вполне традиционном изводе — в качестве подразумеваемого условия, правда, в негативной форме: именно общность “культурных горизонтов и превращает конкретное собрание индивидов, а именно немцев, в аудиторию, которой адресуются аргументы Хабермаса об интерпретации немецкой политической истории.

Вне этих культурных горизонтов горячий призыв Хабермаса к конституционно сфокусированному патриотизму, в общем-то, не имеет большого смысла. Именно оттого, что у немцев есть общие страшные воспоминания о расистском и милитаристском насилии, им есть смысл цепляться за Основной закон послевоенной конституции как их самое ценное историческое наследство. Лучше всего аргументация Хабермаса работает в рамках напряженных попыток истолковать ту значимость, какую наследство конкретных воспоминаний имеет в конкретном сообществе. Но как таковая она предполагает существование того самого дополитического сообщества, которое Хабермас, как и большинство защитников гражданской трактовки нации, отвергает во имя сообщества, основанного на рациональном согласии и политическом принципе” (стр. 69–70).

Но в целом применительно к концепциям “гражданской нации” Як утверждает: во-первых, они не соответствуют действительности (на практике все нации, приводимые в качестве примера “гражданских”, демонстрируют отсылку к прошлому). Они крайне далеки от того, чтобы утверждаться в качестве исключительно политического сообщества настоящего времени. Напротив, чтобы быть реальностью, они регулярно вынуждены вспоминать “отцов основателей”, “декларацию прав человека и гражданина” и т.п. как *свое* прошлое. Разумеется, у “старых” и “молодых наций” конкретные практики того, как они помещают себя во времени, различаются, но они одинаково мыслят себя через наследие, выступая союзом живых и мертвых.

Во-вторых, если представить себе возможность осуществления “гражданской нации”, то самую подобную альтернативу вряд ли можно счесть желательной. В реально существующих нациях не требуется (за исключением экстремальных ситуаций, да и там со значительными оговорками) единства в понимании “общего наследия”. Однако “гражданская нация”, будучи единством, построенным вокруг разделяемого всеми политического принципа, требует верности ему и согласия в его трактовке. Но “если единственная причина, почему мы доверяем друг другу, — это наша приверженность определенным политическим принципам, то выявление подлинности или неподлинности выбора друг друга, вероятно, будет заботить нас гораздо больше, чем сейчас” (стр. 74).

Наиболее спорный аспект исследования Яка — стремление максимально развести понятия нации и национализма, при этом одновременно выведя “нацию” за пределы модерна, представить ее феноменом гораздо более древним. В последнем автор, не будучи историком, довольно неконкретен: он лишь отказывается связывать нацию с модерном, утверждая, что нации существовали задолго до наступления современности, тогда как новация, вызванная модерном, заключается в придании им необычайного политического значения. Для “удревнения” нации Як отождествляет ее с этносом (гл. 3), утверждая: “В конце концов, нация и *этнос* (или *ethnie*) — это два слова, обозначающие одну форму ассоциации: межпоколенческое сообщество, основанное на утверждении совместного культурного наследования” (стр. 161).

Разумеется, о понятиях не спорят — о них договариваются. И в рамках предложенного понимания нация оказывается лишенной того отличительного признака, который вводится Э. Смитом, — политической организации. Логика подобного исключения весьма примечательна (поскольку связывает с политическим уже не нацию саму по себе, но национализм): нация обретает политическое измерение в рамках первоначально совершенно автономного принципа — народного суверенитета. По мере развития политической нововременной мысли XVI — XVIII вв. “народ” начинает мыслиться как суверен. Но этот народ, дабы учредить государство, должен обладать существованием независимо от государства, то есть определяться каким-то иным образом и при

этом быть единством живых и мертвых, имеющим продолжение во времени, иначе остается непонятным, каким образом воля когда-то живших людей, теперь уже не существующих, способна связывать в той или иной степени людей, живущих сейчас. Иначе говоря, мы, современные, должны мыслить себя их наследниками (и в силу этого их воля имеет значение для нас).

Таким образом, связка между “народным суверенитетом” и “нацией”, подробно анализируемая Яком, на мой взгляд, выглядит еще существеннее, чем выступает таковой для самого Яка: дабы обрести конституирующее значение, быть длящейся во времени, “народная воля” должна быть либо волей нации уже существующей, либо породить нацию. Нация и есть “политический народ”, поскольку придает историческое измерение множеству людей, образуя постоянство субъекта при постоянном изменении входящих в него лиц, преобразует из простой “совокупности” в “сообщество”.

Целенаправленное же разведение понятий “нации” и “национализма” связано с тезисом Яка о возможности преодоления принципа “народного суверенитета”, что перекликается, например, с размышлениями П. Розанваллона о множественности легитимностей (статуса и качеств) в современной политике и о том, что в настоящее время легитимность утрачивает во многом связь с народным голосованием как эмпирическим проявлением “народной воли” и тем самым освобождается от неперенной связки с “единством” и единством субъекта, отсылать к которому как к финальному основанию должна всякая учрежденная власть [Розанваллон 2015].

Если о перспективах я рассуждать не решаюсь, то попытка “удревнить” нацию в прошлое вызывает сомнения тем, что вплоть до модерна отсутствует то, что сам Як называет чертой, отличающей нации от других сообществ: “В этих (национальных.— А.Т.) сообществах горизонтальные связи закладываются, если можно так выразиться, благодаря связям вертикальным, то есть узы, соединяющие нас с другими ныне живущими индивидами, завязываются благодаря нашему совместному наследованию от предшествовавших людей... Мы признаем друг друга членами одной нации благодаря тому совместному наследованию, которое прослеживается нами вплоть до неких увечеченных в памяти предшественников. Уберите эту вертикальную связь, ощущение общности в чем-то, что прослеживается по прямой вплоть до общей исходной точки,— и наша горизонтальная связь друг с другом распадется” (стр. 136—138).

“Модерная нация” как раз и предполагает, что общность прошлого, совместное наследование включает в одно сообщество тех, кто принадлежали к разным сословиям, но теперь стали согражданами, соотечественниками, принадлежат к разным классам, но одинаково выступают немцами или французами. Як соглашается с тем, что значимость подобных связей в эпоху модерна существенно возрастает (и распространяется между теми, кто ранее их не разделяли), однако радикальное их укрепление и формирование заставляет исследователей говорить о качественно новом феномене. Различие между до-модерной и модерной ситуациями столь велико, что использовать одно и то же понятие “польская” или “немецкая нация” применительно и к XV, и к XIX столетиям — значит (не)преднамеренно вводить в заблуждение, создавая иллюзию постоянства.

Структурно работа подразделена на две практически равных части — в первой, рассмотрению которой я посвятил большую часть своего рассуждения, осуществляется теоретический анализ “нации” и связанных с нею понятий, тогда как во второй предметом обсуждения становятся практические следствия “национализма” в современном мире. Не буду касаться всей массы рассматриваемых Яком проблем и остановлюсь лишь на одном, на мой взгляд, в высшей степени ценном и зачастую забываемом тезисе, а именно на излишней, болезненной склонности к юридизации моральных проблем, стремлении толковать возникающие затруднения и противоречия исключительно сквозь призму права.

Однако далеко не всегда, отмечает Як, совершаемая несправедливость есть нарушение права — и если право не нарушено, то это еще не основание считать происходящее справедливым. Равно как не основание, добавлю от себя, для неперенного введения

правовой нормы, которая впредь воспрещала бы совершение подобной несправедливости. Давно известно, что *summum jus est summa injuria* — превращать мораль в право вредно как для права, так и для морали — с одной стороны, возлагая на право обязанности, которых оно не может исполнить, с другой — лишая мораль той власти, которой она способна обладать. Моральные нормы далеко не столь однозначны, сколь правовые нормы и наши действия. Наши решения определяются не только тем, напоминает Як, что мы обязаны сделать или чего желаем сами, но и тем, чего от нас ждут другие — как дара или благодарности. В той мере, в какой мы ослабляем связи, объединяющие нас в сообщества, мы утрачиваем и возможность апеллировать к избыточности доброжелательства. Эти связи резонно вызывают опасения из-за непредсказуемости, связанной с их неопределенностью. Но стремление действовать и рассуждать так, как если бы их вообще не было или их можно было устранить, в конце концов, нереалистично. А в той мере, в какой оказывается реалистичным, — делает невозможным продолжение человеческого существования, то есть ведущегося совместно, ради благой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ренан Э. (1902) Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. В 12 т. Т. 5. Киев: Б. К. Фукс, 1902–1904. С. 88–103.

Розанваллон П. (2015) Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. М.: Московская школа гражданского просвещения.

Як Б. (2017) Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара.

On friendship, or On the nation (Bernard Yack on nationalism and moral psychology)

A. TESLIA*

* **Teslia Andrei** — Ph. D. Senior Researcher, Institute for Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University. Address: Chernishevskogo str., 56a, Kaliningrad. Russian Federation 236022. E-mail: mestr81@gmail.com

Abstract

The author analyses an ambitious B. Yack's program, which revises the concepts of "nation" and "nationalism". The advantages and contradictions of Yack's interpretation of modern and pre-modern content of concepts of the "nation" are shown. Interpreting the nature of "nation" and the specifics of nationality, Yack refers to the notion of friendship, which in recent years has experienced a renaissance within the framework of political philosophy. In particular, according to Yack's, the concept of "civil nation" is not an alternative to "nationalism" and its threats.

Keywords: B. Yack, nation, people, nationalism, civil nation, friendship.

REFERENCES

Renan E. (1902) Chto takoe naciya? [What is a nation?] Renan E. *Sobr. soch.* V 12-ti t. T. 5. Kiev: B. K. Fuks, 1902–1904, pp. 88–103.

Rozanvallon P. (2015) *Demokraticheskaya legitimnost. Bespristrastnost, refleksivnost, blizost* [Democratic legitimacy. Impartiality, reflexivity, closeness]. Moscow: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosvoscheniya.

Yack B. (2017) *Nacionalizm i moralnaya psihologiya soobschestva* [Nationalism and the Moral Psychology of Community]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.